

Лавров К.

15
1985/IX

111

ИЗВЕСТИЯ

15 сентября 1985 года

Встречи

КАЖДАЯ РОЛЬ — ПЕРВАЯ

«Когда заканчивается спектакль и мы, актеры, выходим на аллодисменты, я всматриваюсь в лица зрителей. Оправдал я их ожидания или, наоборот, разочаровал?»...

Казалось бы, простыми словами высказана простая мысль. Но театроведческая и зрительская память услужливо подсказывает: вот кланяются залу озорные и светлые мальчишки — первые герои Лаврова, вот подчеркнуто, раздражающе «правильный» и одновременно бесконечно привлекательный в человеческой своей надежности морской офицер Платонов; вот змееподобный, ужасающий наглой и хлесткой автоматичностью поведок преуспевающий «мертвец» Чарльз Говард; вот лицедействующий в расчетливом и упорном стремлении к власти, неожиданно «кумный» и значительный Молчалин, по словам критика, «явление программного характера в его реальном бытовании»; вот отчаянно и бесшабашно распахнутый в думках и чувствах Семен Давыдов; вот трагически ординарный, измучившийся этим и мстящий за это всему свету Соленый; вот обаятельный, яркий, но чуть-чуть, самую малость смущающий «комплексом абсолютной полноценности» Нил; вот человек, которому «неудобно быть первым...» — Ким; вот мучительно обретающий внутреннее право на поступок Шаманов; вот горько нелепый Городничий; вот уморительный в своем утлом подобострастии Курносый; вот вымученно, из последних сил жизнелюбивый Астров; вот горько мужествен-

...ный человек-Реквием Дугин...

И это — не все роли.

И это — такие роли!

Грибоедов и Чехов, Горький и Гоголь, Шолохов и Симонов, Вампилов, Шукшин, Розов... Каждая роль — судьба. И после этого актер мучается на каждом представлении, ища в зале оценку своему труду?.. Да не лукавит ли, не пытается ли убедить в том, что не беда от собственной славы, вольно или невольно не играет ли на нас, публику, не выходя из своей профессии и в жизни, пребывая в амплуа «социального героя»? Думается, в ответе на этот вопрос кроется причина поистине всенародной популярности актера. Популярности, которая вспыхивает мгновенно, но так редко светит устойчивым неослабевающим пламенем. Как у Лаврова.

Нет, не играет. Артист Лавров в жизни играть не умеет. Он человек обескураживающей, деликатной, но не изменяющей себе искренности. Искренности в гневе и иронии, в восхищении и усталости. Он может говорить высокие слова, но не может — высокопарные. Не потому ли ему так часто доводится говорить главные слова: и со сцены, и с экрана, и с трибуны...

Искренность не означает только простоту. Вообще не понимаю слов «простой человек». А в отношении к Лаврову — тем более. Он очень непросто: умен, порой по-мужицки хитер, предпочитает слушать... И позволяет себе роскошь везде и всегда быть самим собой. Роскошь, доступную лишь подлинным личностям, которым не надо ничего из себя изображать.

Критики часто удивляются «загадочности» того или иного персонажа Лаврова. Но она рождена его человеческой «загадочностью»... Констатируют негромкость его исполнительской манеры. Но ему не надо кричать — его так слышат.

Когда-то в спектакле «Правду! Ничего, кроме правды!» Лавров сыграл «человека из зрительного зала». Так называлось действующее лицо пьесы. Пожалуй, в каждом спектакле, в каждом фильме Лавров «играет» и эту роль, помимо данной драматургом, оставаясь полномочным представителем зала. В этом демократичность его индивидуальности.

Талант есть талант, в нем все важно. И определять «главное» в таланте — бессмысленно. Поэтому не «главная», но одна из

очень существенных черт таланта Лаврова — абсолютное чувство современности... Именно чувство. Его не считаешь на калькуляторе конъюнктуры, не позаимствуешь даже у очень одаренного режиссера. И еще в нем есть та внутренняя значительность, которая не изменяет с годами. И сочетание значительности и простоты заставляет прислушиваться к Лаврову на сцене и в жизни. Прислушайтесь, вот он говорит:

— В конечном счете культура, искусство, да и сама нравственность — это память, духовное отечество, созданное вековым опытом народа...

— Почему сейчас уже редко появляется в современной пьесе герой прямого, сюжетного действия, герой поступка — и только? В первую очередь, мне кажется, потому, что сегодня и театр, и зритель интересуют прежде всего внутреннее, побудительные причины, которые привели к тому или иному поступку...

— Исторически и географически сложилось так, что русскому актеру ближе и понятнее психологическая манера игры. Но это вовсе не значит, что надо полностью отвергать условность. Актер должен уметь играть и Островского, и Брехта. Важно только, чтобы Островского не играли, как Брехта, а Брехта, как Островского...

— Главное для актера — верно почувствовать духовные потребности зрителей, понять, на какие именно вопросы они ждут ответа сегодня, сейчас. Тогда и только тогда манера актерско-

го исполнения будет подлинно современной, независимо от того, какими приемами актер пользуется...

— Ни в коем случае не впадать в назидательность. Я терпеть не могу искусства назидательного, когда вижу, как актеры, режиссеры тычут «перстом указующим»: вот этого не надо делать, а это — надо. Для меня нет в таком случае спектакля. Мы должны всем своим актерским существом подвести зрителя к решению: что хорошо, что плохо, а не водить его за ручку, как немощного, духовно отсталого...

— Актер создает роль из собственных человеческих ресурсов. Но бывает, как в случае с Башкирцевым, роль оказывается значительнее тех возможностей, которыми располагает актер, и тогда происходит любопытная вещь. Я должен вырастить в себе нечто, позволяющее мне сыграть роль.

Другими словами, не только актер творит роль, но и она пересотворяет актера. Заставляет его человеческие изменяться, вытягиваться до своего героя...

Роли пересотворяют актера... Творческая судьба Лаврова щедро на встречи с такими ролями. Но и он приходит к ним не с «пустыми руками», душой, опытом. Он человек богатой биографии: токарь, курсант военно-авиационного училища, человек, восемь лет отслуживший в военные и послевоенные годы... Может быть, оттуда — его обязательность и пунктуальность, его фантастическая работоспособность и

непременная в каждой его роли профессиональная точность и убедительность. Будь то моряк Платонов, военный газетчик политрук Синцов, ученый Башкирцев, доктор Астров... И, может быть, поэтому он не признает в любом деле «приблизительности».

Кстати, это умение Лаврова скрупулезно точно передавать профессиональную характерность роли рождает ощущение надежности: ибо профессиональная и человеческая надежность в жизни неразделимы.

Простота и сложность каждого образа — от актера. Немудрено — актер сам человек убеждений. Твердых и надежных. Часто задают вопрос, как соотносятся в его жизни творческая и общественная деятельность. И та, и другая — очень интенсивные. Депутатские обязанности, заботы руководителя Ленинградского отделения ВТО и масса других...

— Мне трудно соотносить эти понятия, потому что они для меня уже давно неразделимы. Общественная работа стала частью творческой, и наоборот. А если вернуться к предмету нашего разговора, то полагаю, что для пополнения жизненного опыта, познания человеческой природы, без которых подлинное мастерство немислимо, именно общественная работа является богатейшим источником. И, конечно, это находит отражение не только в ролях современного репертуара, а в творчестве вообще...

Встречи с ролями, постоянные встречи с людьми по роду общественной работы и профессии, тоже немислимы без общения. Встречи, которые дарованы судьбой. Как встреча с Георгием Александровичем Товстоноговым, выпестовавшим талант Лаврова в театре, как встреча с Константином

Михайловичем Симоновым, которая стала пожизненной дружбой. Симонов был разборчив в выборе друзей и как-то гениально прозорлив. Ведь это он разглядел в Лаврове, репетировавшем гротескную «отрицательную» роль Говарда, своего Синцова...

Именно Синцовым в фильме «Живые и мертвые» началось признание киноартиста Лаврова, сыгравшего потом и Ивана Крамцова с его загадочной, страстной и взыскующей душой. И легендарного Королева, по фильму — Башкирцева...

— Что такое Андрей Ильич Башкирцев? Редкая цельность характера. Целеустремленность действий. Сочетание ученого и практика. Он не только рождает идеи, но и реализует их. Облекает, так сказать, в плоть. Знает не только ближайших сотрудников, но и каждого рабочего, причастного к делу. По имени знает и по фамилии. Мне это нравится. Не скрою, мне вообще нравятся люди, для которых дело — смысл и суть жизни. Те, кто вкладывает в дело всего себя, без остатка... На этих людях земля держится.

Лавров — из таких людей.

— Вы спрашиваете, с чего я начинаю работу над образом? Обычно с того, что пытаюсь понять: что мой герой думает о жизни вообще. Если это мой современник, то как он относится к большому государственному, международным проблемам и к малым бытовым заботам...

А кого он считает своим современником? ...Судя по ролям, его современник — Ленин.

— Очень сложно было мне, актеру, постигнуть эту личность. Так же, наверное, как и художнику — портретисту или скульптору. Потому что для каждого из нас фигура Ленина — она, образно говоря,

монументализирована. И порой за этой монументальностью, за этим гранитом и бронзой, в которых мы из самых высоких, чистейших побуждений воплотили образ вождя на веки вечные, где-то все же теряется ощущение его просто как человека: доброго, хорошего, твердого, умного. Гениального — но человека.

Его современник и недавно сыгранный в пьесе «Рядовые» Дугин.

— Когда мы сегодня обращаемся к теме бесконечно волнующей, к теме Великой Отечественной войны, нас уже интересуют не только противостояние армий, фронтов, боевые операции, но и духовный мир людей на войне. Мы хорошо знаем, «как закончились бои», но что думали, переживали участники этих боев? Это ведь очень важный факт: наше искусство сумело из страшного, из войны извлечь высочайшие уроки человечности и нравственности...

Лавров сыграл Дугина поразительно эмоционально, ощущение от этой работы столь сильно. Что никак не наступит пора ее рационального осмысления. Пока можно констатировать одно: такого в биографии «военных» спектаклей и в актерской биографии Лаврова еще не было. Это в который раз подтверждает слова Товстоногова о Лаврове: «Его особенность в том, что каждая роль для него первая...»

К этим словам трудно что-либо добавить. И поэтому — последний вопрос: что главное в искусстве сегодня?

— Не прикрывать актуальностью темы убожество мыслей и отсутствие художественных достоинств. Время сегодня такое — не терпит фальши.

Светлана ОВЧИННИКОВА.